

PRO et CONTRA

РЕЦЕНЗИЯ

Наследие империй и будущее России / Под ред. А. И. Миллера. М. : "Либеральная миссия"; Новое литературное обозрение, 2008. 528 с.

№ 1 (44), январь-февраль 2009

Рецензируемая книга, вышедшая под редакцией Алексея Миллера, посвящена комплексу проблем, очень болезненных и для нашего общества, и для обществ всех постсоветских стран. «Империю, — пишет Миллер, — прославляют (кто-то Российскую, кто-то советскую, а кто-то обе), империю объявляют источником всех зол и бед» (с. 5). И насколько я понимаю, основная задача редактора-составителя заключалась в том, чтобы направить эмоционально нагруженный разговор о наследии империи в более строгое, научное русло. Такой «академизации» обсуждения Миллер (как в данной книге, так и в других своих работах) достигает двумя способами.

Во-первых, систематически сравнивая Российскую империю с аналогичными государственными образованиями. Подобное сравнение позволяет освободиться от невротической «заикленности» на самих себе — на наших преступлениях, подвигах, утратах и достижениях. Очень многое в российской имперской истории оказывается вовсе не уникальным, а общим с опытом других государств. Так, политика русификации, направленная на растворение в русской нации соседних народов, прежде всего украинцев и белорусов, не есть проявление какого-то присущего только русским шовинизма. Можно найти прямые аналогии в не менее жесткой, но более успешной французской политике, приведшей к ассимиляции ряда этнических групп, которые потенциально были способны стать самостоятельными нациями, или в еще более жесткой, но малоуспешной венгерской политике. Реально существовавшие среди самых разных народов Российской империи (и еще больше Советского Союза) чувство общности, имперский и советский патриотизм и появившаяся не только у русских, но и у всех народов после распада империи ностальгия по прошлому — тоже не уникальные явления, якобы говорящие о каких-то особых достоинствах русских и созданных ими империй. Австрийская империя породила отнюдь не меньшее чувство общности и патриотизма, равно как и ностальгию, а в Индии после достижения независимости многие люди вспоминали британский «радж» почти как золотой век. Не вызывающая сомнений модернизация в Российской империи и еще более в СССР отсталых этносов, превращение некоторых из них в более или менее полноценные нации (что в конце концов и погубило империю) — тоже не исключительно наше достижение. Достаточно сопоставить Афганистан, не прошедший британскую колониальную выучку, с Пакистаном и Индией, чтобы понять: пребывание в составе Британской империи по меньшей мере не замедляло развитие. Короче говоря, сравнительное изучение позволяет перестать шарахаться из одной крайности в другую, представляя себя то как уникально «хороших», то как уникально «плохих», а созданные нами империи (Российскую и советскую) — то как абсолютное зло, которого надо стыдиться, то как предмет особой гордости. И только при сравнении удастся выявить действительно уникальные черты Российской империи и СССР.

Во-вторых, Миллер «академизирует» обсуждение проблематики Российской империи и Советского Союза, активно используя работы западных ученых, то есть людей, для которых эти государства просто интересный объект изучения, в том числе и компаративного, тогда как для россиян они по-прежнему «незажившие раны» их памяти и самоидентификации. В рецензируемую книгу, в частности, включены очень интересные статьи исследователя из Норвегии Ивара Нойманна и работающего в Англии Александра Кустарёва.

В целом Миллер реализовал свой замысел, сделав хорошую и полезную книгу, хотя вошедшие в нее статьи не равноценны; есть среди них, на мой взгляд, и слабые. Но в данной рецензии я не буду давать оценку всем работам и разбирать многочисленные проблемы, затронутые в них. Я остановлюсь лишь на одном недостатке книги, который характерен не для нее одной, а для многих отечественных исследований и дискуссий. Это — неясность центральных понятий, вокруг которых строится рассуждение и ведется полемика. В нашем случае — неясность самого понятия «империя».

«Империя» — это слово повседневного языка, как и множество ему подобных, означающее нечто неопределенное, некую претензию государства и его «хозяев» на величие. Императорами стали именовать себя Пётр Первый и Наполеон, решившие, что старые звания «царь» и «король» не достаточны для увенчания их величия и достижений. Словами «император» и «империя» переводили на европейские языки соответственно титулы правителей и обозначение их владений в больших неевропейских странах — Японии, Китае, Турции, Эфиопии (но почему-то не в Иране). Дважды провозглашали себя императорами особо амбициозные правители Мексики и тоже дважды — маленького Гаити, а один раз — диктатор переименованной на время в империю Центрально-Африканской Республики. Но ясно, что употребление одного и того же слова для обозначения практически мононациональной Японии (до периода ее экспансии), крохотного Гаити с его очень высоко ценившими себя правителями, Французской Республики с ее колониями и СССР — уж никак не соответствует принципам научной строгости. В статье Ольги Малиновой («Тема империи в современных российских политических дискурсах»), помещенной в рецензируемой книге, хорошо показано, насколько по-разному и неопределенно употребляется это слово в нашей прессе и литературе.

Разумеется, нельзя требовать от авторов, чтобы они определяли каждое слово, иначе коммуникация в гуманитарной литературе станет просто невозможной. Но в данной книге, где «империя» главное обсуждаемое понятие, необходимо было, на мой взгляд, как-то обозначить рамки его употребления. Между тем авторы даже не пытаются сформулировать, что же такое «империя». Миллер пишет, что «никакого общепринятого определения империи не существует» (с. 27). Наверное, это так, но ведь речь идет не об общепринятом употреблении слова, а о том, какой смысл вкладывает в него сам автор, — чтобы читатель понял, о чем идет речь. Иначе значение стержневого для книги слова становится почти столь же расплывчатым, как и в повседневной речи. То, что Российская империя — это империя, согласны вроде бы все (она и сама так себя называла). Но вопрос, можно ли применять этот термин к СССР, для авторов явно не решен. Сам Миллер в статье «История империй и политика памяти» подробно пересказывает Терри Мартина, отмечавшего разного рода своеобразные черты советской национальной политики, но, несмотря на то, что он об этом пишет в разделе статьи, озаглавленном «СССР как империя», никакого ответа на вопрос, являлся ли СССР империей, и если да, то почему, мы не находим. А на с. 110 в статье Натальи Тихоновой говорится о «восстановлении империи типа Советского Союза (если, конечно, считать СССР империей)». Но если не определено, что такое империя, и если не считать СССР империей, тогда вообще непонятно, о каком наследии ведут речь авторы.

Более того. Хотя в книге не найти определения империи, в ней содержится довольно эмоциональная, но, как мне кажется, маловразумительная полемика с одной из попыток ответить на этот вопрос. Речь идет об определении, данном Евгением Ясиным в книге «После империи» (под редакцией И.М. Клямкина. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007). Ясин предлагает такую формулировку: «Империя — это государство, в котором один народ (государствообразующий) устанавливает господство или доминирование над другим или многими другими народами, обычно с присоединением территории их расселения, и удерживает их под своей властью силой или угрозой силы» («После империи», с. 7). Достоинство этого определения не в том, что оно раскрывает «сущность империи» — вряд ли французская колониальная империя, Япония и империя Сулука (Фостена I) в Гаити обладают некой единой сущностью, которую можно четко зафикс-

сировать, — а в том, что из него более или менее ясно, о чем идет речь. Это — попытка относительно строгого употребления слова повседневной речи, не охватывающего всех случаев его использования (такое вообще невозможно), но и не столь уж далекого от его обычного смысла. Предложенную Ясиным формулировку можно критиковать, уточняя значение, скажем, формулы «угроза применения силы» или совсем уж расплывчатого слова «обычно». Вполне вероятно, есть и другие варианты толкования слова «империя»: например, Чарлз Тили считает, что это — «полития, объединенная вокруг центральной власти непрямым правлением». В любом случае нельзя говорить, что формулировка Ясина, равно как и Тили, просто «неправильна». Это — альтернативные варианты относительно строгого употребления одного и того же многозначного неопределенного ненаучного слова. И уж совсем некорректно, на мой взгляд, критиковать чье-то определение, не выдвигая своих «контрпредложений». Между тем Валерий Тишков прямо-таки негодует по этому поводу («ничего близкого к определению Ясина в научной литературе нами не обнаружено» — с. 459), но при этом не говорит, что же все-таки он обнаружил в этой литературе, и не выдвигает никакой альтернативы. Что касается Миллера, то он попросту попытку Ясина игнорирует.

И все же дать хоть какое-то определение слова «империя» в любом случае лучше, чем употреблять его как бог на душу положит. И определение, которое дал Ясин, в целом вполне «рабочее», хотя, естественно, нуждается в уточнениях. Одно из таких уточнений, кажущееся мне важным, я бы хотел предложить.

Ясинское определение фиксирует некоторые отношения между этносами в государстве. Такие отношения характерны для большинства государств, которые назывались империями (но не для всех — например, не для Гаити), и играли в их структуре важную роль. Однако есть очень много стран, в которых такие отношения тоже присутствуют, хотя и не играют столь значительной роли, но их никогда не называли империями, и вряд ли стоит их так называть. Поэтому я думаю, что формулировку Ясина следует понимать как определение не «империи», а существующих в государстве «имперских отношений». Если в полиэтническом государстве есть иерархия этносов и находящиеся на низшей ступени этой иерархии этносы не имеют возможности мирным и законным путем выйти из него, значит, в таком государстве присутствуют «имперские отношения». Подобные отношения могут играть большую или меньшую роль (когда этносов «второго сорта» много, тогда отношения с ними определяют всю структуру государства, когда — немного, тогда отношения с ними большого значения не имеют). И они могут быть сильнее или слабее выражены, то есть этносы «второго сорта» либо открыто угнетаются, либо обладают разными правами, не имея, однако, легальной возможности выйти из государства. Очень часто вообще невозможно определить с первого взгляда, есть ли такие отношения. Например, в Канаде между англоязычными и франкоязычными канадцами их, очевидно, нет: если бы франкофоны на своих референдумах высказались за отделение, их бы явно не стали удерживать силой. Но имеется много стран, даже демократических, где проведение таких референдумов практически невозможно. Вполне вероятно, что, например, отношения во Французской Республике между французами и корсиканцами можно все же охарактеризовать как очень смягченный вариант «имперских отношений».

Если говорить не об империи (оставив это слово для ненаучного языка), но об имперских отношениях, вопрос о том, называть ли СССР империей, утрачивает свой смысл. Можно называть, можно не называть. Но отрицать, что в СССР между русскими и другими народами были «имперские отношения», на мой взгляд, невозможно. Русские были главным народом, «старшим братом». Это отражалось и в символике (очень причудливой, стоит только вспомнить удивительные слова советского гимна: «Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки великая Русь»), и в том, что все были обязаны учить русский, а русские отнюдь не были обязаны учить другие языки народов Советского Союза, и в том, что другие народы не могли мирно и законным путем выйти ни из РСФСР, ни из СССР, ни даже из последнего, самого широкого круга зависимых от Москвы стран и народов, для которых русские также играли роль «старшего брата», — «соцлагеря».

Но если это так, тогда совершенно иначе выглядит вопрос о «наследии империи». «Наследие империи» прежде всего в том, что ликвидация Советского Союза не означала ликвидации имперских отношений между русскими и другими народами. Распались два круга «империи» — соцлагерь и СССР, но сохранился третий — РСФСР, где отношения между русскими, с одной стороны, и чеченцами, татарами и иными народами — с другой, несомненно имперские. И это даже более жестко имперские отношения, чем отношения в Советском Союзе между русскими и титульными народами союзных республик, за которыми формально признавалось равноправие с РСФСР и даже право на отделение.

Любой татарин, якут, чеченец должен знать русский, а русские вовсе не обязаны знать татарский, якутский, чеченский. Татары недавно убедились, что они не вправе сами выбирать алфавит для своего языка. Любой татарин должен учить историю, в которой говорится о героической Куликовской битве и т. д. И уйти из этого государства татары не могут (что получилось из попытки чеченцев, мы знаем). Сохранение в России имперских отношений — это самый главный элемент «наследия империи», когда-то покорившей татар, Сибирь, народы Северного Кавказа. Если СССР «империя» по той причине, что в нем были «имперские отношения», имперская иерархия этносов, тогда и Россия — «империя». «Империя» уменьшилась в размерах, сжалась, но не исчезла. И это — самое основное «наследие империи», более очевидное, чем психологические последствия распада СССР — ностальгия по величию, стремление сохранить бывшие братские республики в российской «зоне влияния» и т. д. Между тем об этом главном «наследии империи» в книге не говорится практически ничего (очень добротная и интересная статья Николая Петрова «Наследие империи и регионализм» — о другом).

ними определяют всю структуру государства, когда — немного, тогда отношения с ними большого значения не имеют). И они могут быть сильнее или слабее выражены, то есть этносы «второго сорта» либо открыто угнетаются, либо обладают разными правами, не имея, однако, легальной возможности выйти из государства. Очень часто вообще невозможно определить с первого взгляда, есть ли такие отношения. Например, в Канаде между англоязычными и франкоязычными канадцами их, очевидно, нет: если бы франкофоны на своих референдумах высказались за отделение, их бы явно не стали удерживать силой. Но имеется много стран, даже демократических, где проведение таких референдумов практически невозможно. Вполне вероятно, что, например, отношения во Французской Республике между французами и корсиканцами можно все же охарактеризовать как очень смягченный вариант «имперских отношений».

Если говорить не об империи (оставив это слово для ненаучного языка), но об имперских отношениях, вопрос о том, называть ли СССР империей, утрачивает свой смысл. Можно называть, можно не называть. Но отрицать, что в СССР между русскими и другими народами были «имперские отношения», на мой взгляд, невозможно. Русские были главным народом, «старшим братом». Это отражалось и в символике (очень причудливой, стоит только вспомнить удивительные слова советского гимна: «Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки великая Русь»), и в том, что все были обязаны учить русский, а русские отнюдь не были обязаны учить другие языки народов Советского Союза, и в том, что другие народы не могли мирно и законным путем выйти ни из РСФСР, ни из СССР, ни даже из последнего, самого широкого круга зависимых от Москвы стран и народов, для которых русские также играли роль «старшего брата», — «соцлагеря».

Но если это так, тогда совершенно иначе выглядит вопрос о «наследии империи». «Наследие империи» прежде всего в том, что ликвидация Советского Союза не означала ликвидации имперских отношений между русскими и другими народами. Распались два круга «империи» — соцлагерь и СССР, но сохранился третий — РСФСР, где отношения между русскими, с одной стороны, и чеченцами, татарами и иными народами — с другой, несомненно имперские. И это даже более жестко имперские отношения, чем отношения в Советском Союзе между русскими и титульными народами союзных республик, за которыми формально признавалось равноправие с РСФСР и даже право на отделение.

Любой татарин, якут, чеченец должен знать русский, а русские вовсе не обязаны знать татарский, якутский, чеченский. Татары недавно убедились, что они не вправе сами выбирать алфавит для своего языка. Любой татарин должен учить историю, в которой говорится о героической Куликовской битве и т. д. И уйти из этого государства татары не могут (что получилось из попытки чеченцев, мы знаем). Сохранение в России имперских отношений — это самый главный элемент «наследия империи», когда-то покорившей татар, Сибирь, народы Северного Кавказа. Если СССР «империя» по той причине, что в нем были «имперские отношения», имперская иерархия этносов, тогда и Россия — «империя». «Империя» уменьшилась в размерах, сжалась, но не исчезла. И это — самое основное «наследие империи», более очевидное, чем психологические последствия распада СССР — ностальгия по величию, стремление сохранить бывшие братские республики в российской «зоне влияния» и т. д. Между тем об этом главном «наследии империи» в книге не говорится практически ничего (очень добротная и интересная статья Николая Петрова «Наследие империи и регионализм» — о другом).

Как же надо относиться к такому «наследию империи»? Мне представляется, что относиться надо спокойно, при этом четко понимая, что с современной моральной точки зрения имперские отношения всегда должны оцениваться негативно. Имперские отношения всегда и везде — неравенство, иерархия народов, всегда и везде в них есть элемент прямого или косвенного насилия.

Когда-то, в додемократическую эпоху, имперские отношения воспринимались как норма. Любое государство стремилось покорить другие и стать империей. Но развитие и распространение демократических идей свободы и равенства начали подтачивать и разрушать империи, а имперские отношения, поскольку они сохраняются, стали смягчаться, камуфлироваться или отрицаться. «Имперскость» из того, чем хвастаются, превратилось в то, чего стыдятся и что скрывают, утверждая, например, что курдов вообще нет — есть только турки, или что в СССР не было никакой иерархии народов — был только один «советский народ», а в России давно уже образовалась единая «российская нация».

Тем не менее имперские отношения существуют в очень многих государствах. И при всей их несправедливости вряд ли возможно выдвигать идею их полной ликвидации. Мир не может быть абсолютно справедливым, и очень часто устранение какой-то несправедливости влечет за собой новые и куда более страшные несправедливости. Со многими несправедливостями лучше постараться сжиться, смириться, стремясь уменьшить их, свести к минимуму, при этом понимая, что полностью от них избавиться невозможно. Ничего особенно страшного в том, что в каких-то отношениях татары в России, или баски в Испании, или тибетцы в Китае — граждане второго сорта, нет. Наличие смягченных, сведенных к приемлемому минимуму имперских отношений — не такое уж большое зло, чтобы для его ликвидации идти на громадные трудности и лишения, связанные с борьбой за независимость, разделом территории и построением нового государства. Но чтобы «негосударствообразующие» этносы действительно смирились и сжились со своей «второсортностью», «главному народу» надо понимать несправедливость имперских отношений и стараться их смягчить, сделать неизбежную «второсортность» приемлемой. Но для этого требуется прежде всего видеть, что такие отношения есть, и называть их своим именем.

Миллер выдвигает два принципа, объединяющих авторов книги. Он пишет: «Все мы [авторы] исходим из того, что современную Россию в территориальном смысле следует воспринимать как устойчивое явление и планы обустройства страны должны быть основаны именно на этом постулате» (с. 6). Это — не научное, а политическое высказывание, выражение желания. Как будет на самом деле, лежит за пределами возможного сейчас научного анализа и прогноза. Но как к абстрактному пожеланию к нему вполне можно присоединиться. Однако второй сформулированный Миллером общий принцип-пожелание мне представляется более важным, и я бы поставил его не на второе, а на первое место: «Мы исходим из того, что направлением политического развития должна быть демократизация...»

Удержание народов в составе многонационального государства «любой ценой», как мы удерживали чеченцев, а грузины — абхазов, морально неприемлемо. Но большое многонациональное государство, даже если в нем наличествуют имперские отношения, имеет много преимуществ. Его распад, отделение от него — всегда трудный и мучительный процесс, болезненность которого чаще всего оказывается большей, чем радость от обретенной независимости и сознания, что твой народ перестал быть «второсортным». Никогда в России татары или чеченцы не будут полностью равны русским, и даже самая демократическая Россия все равно останется государством с иерархией этносов. Но реально демократическая Россия может смягчить «имперские отношения» до такой степени, когда для чеченцев, татар и других народов преимущества пребывания в большой, свободной, упорядоченной и процветающей стране будут явно перевешивать преимущества быть государствообразующим народом крохотной страны. К этому надо стремиться, и ради этого нам, представителям «главного» этноса, надо меняться, изживая имперские мифы и имперскую психологию. Книга под редакцией Алексея Миллера — свидетельство того, что этот процесс медленно и мучительно, но идет. ■

ДМИТРИЙ ФУРМАН

Omar Nasiri. Inside the Jihad: My Life with Al Qaeda, A Spy's Story. N.Y.: Basic Books, 2006.

384 p.

Brynjjar Lia. Architect of Global Jihad: The Life of al-Qaida Strategist Abu Mus'ab al-Suri.

N.Y.: Columbia Univ. Press, 2008. 256 p.

Michael Bonner. Jihad in Islamic History: Doctrines and Practice. Princeton Univ. Press, 2006.

224 p.

The Taliban and the Crisis of Afghanistan / Robert D. Crews, Amin Tarzi (eds). Harvard Univ.

Press, 2008. 448 p.

Antonio Giustozzi. Koran, Kalashnikov, and Laptop: The Neo-Taliban Insurgency in

Afghanistan. Columbia Univ. Press, 2007. 224 p.

Daniel Byman. The Five Front War: The Better Way to Fight Global Jihad. Wiley, 2007. 320 p.

Philip H. Gordon. Winning the Right War: The Path to Security for America and the World.

Times Books, 2007. 224 p.